

«ЗА РОДИНУ» — «ФРОНТОВАЯ ПРАВДА»

ГАЗЕТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО — 2 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА*

Обзор С. А. Савельева

...Северо-Западный фронт. Духное, грозное лето сорок первого года. В нескольких десятках километров от Валдая, вблизи полустанка Рядчино, в густом лесу притаился длинный состав из разношерстных по форме и окраске товарных и пассажирских вагонов. Над составом нависла огромная паутина — зеленая маскировочная сеть с набросанными на нее охапками хвои. Паровоза в голове поезда нет, и кажется, будто он брошен на полпути, будто ушла из него жизнь.

Но целый день слышны здесь человеческие голоса, целый день кипит незаметная снаружи работа.

В этом поезде-типографии, укрывшемся в лесу от непрерывно гудящих в небе немецких самолетов, выпускается фронтовая газета «За Родину», печатаются листовки и сводки Совинформбюро для населения временно оккупированных врагом молодых советских республик Прибалтики.

Только в поздний вечерний час, а иногда и далеко за полночь люди покидают поезд. Они уходят в вырытые невдалеке от железнодорожной ветки блиндажи, чтобы скоротать там остаток беспокойной фронтовой ночи.

В одном из блиндажей ночуем мы двое: батальонный комиссар поэт Степан Петрович Щипачев и я — секретарь редакции. Но сегодня нам не уснуть. С утра над лесом долго кружила «рама». Немцы вели воздушную разведку на всем пути от Старой Руссы, где завязались жестокие и упорные бои, в наш тыл. Выследив один эшелон, направлявшийся к полустанку Рядчино, они стали сбрасывать на него бомбы. Когда бомбежка прекратилась и мы, выбравшись из щелей, пошли на полустанок, глазам нашим представилась страшная картина. На рельсах, залитых кровью, лежали мертвые тела двух девочек. Над ними билась, стонала, рвала на себе волосы молодая женщина — их мать.

Долго стояли мы над трупами детей. Какими словами выразить охватившие нас чувства?!

Степан Щипачев нашел эти слова.

Я видел, как был потрясен происшедшим поэт. Молча, с застывшим на лице выражением скорби и гнева, он мерял и мерял тихими шагами наш тесный блиндаж. Потом присел к маленькому фанерному столику и при тусклом свете керосиновой лампы начал писать...

* До войны «За Родину» была газетой Прибалтийского особого военного округа, в годы войны стала газетой Северо-Западного, затем, с весны 1944 г., — 2 Белорусского фронта, где получила название «Фронтовая правда». Ее редакторами последовательно были: В. П. Московский, К. П. Павлов, Н. С. Ракига, Н. Н. Кружков, Д. А. Чекулаев, Т. В. Миронов. За годы войны вышло 1335 номеров.

Через час-полтора он протянул мне листок со стихотворением:

...Нет страшней того, как гибнут дети.
На песке, на рельсах — кровь детей.
Говорят, проходит всё на свете, —
Безутешно горе матерей.
О расплата! Близится расплата
Пулей, бомбой, громом батарей.
Близится! Да будет трижды свято
Мщение за горе матерей.

Стихотворение уже ушло в набор, скоро газету, в которой оно напечатано, будут читать на передовой, а мы всё не можем заснуть...

«ЗА РОДИНУ»

Газета Северо-Западного фронта. 17 октября 1941 г., № 112
Заголовок

С той поры миновала почти четверть века. Я сижу в Ленинской библиотеке, листаю поблекшие от времени страницы нашей фронтовой газеты, и в памяти моей возникает во всех подробностях и эта ночь, и многие-многие другие ночи и дни, в которых рождалось на войне слово — яростное, гневное, героическое, ведущее на бой, на подвиг, беспощадно разящее врага... Слово, которое в те суровые годы было, как говорил Маяковский, поистине «полководцем человеческой силы». И прежде всего — поэтическое слово, «песня и стих», что как «бомба и знамя» участвовали в смертельной схватке с фашизмом.

«ЦАРИЦА ГАЗЕТНЫХ ПОЛЕЙ»

Да, уже в первые месяцы войны фронтовая поэзия стала «царицей газетных полей». В нашей газете, как и в других, она показала отличные боевые качества: высокую оперативность, меткость, большую взрывчатую силу, умение «взаимодействовать» со всеми другими родами газетного оружия, «придать» и официальному документу, и корреспонденции с переднего края, и скупому информационному сообщению энергию поэтического слова.

Увы, до полной расплаты с врагом, к которой зывали строки Степана Щипачева, оказалось совсем не близко. Война принимала все более затяжной характер. И долго еще стихам суждено было звать к ненависти, к отмщению. Как клятва воина, полного суровой и непреклонной решимости покарать гитлеровских палачей, прозвучало стихотворение другого поэта нашей газеты — Михаила Матусовского. Оно было помещено (в № 816) вместе с письмами крестьян села Ользи Демянского района, испытавших на себе ужасы фашистского рабства:

Как сказали мы, так и будет это:
Мы найдем врагов и у края света.
Мы притащим их к нашим пепелищам,
Мы отыщем их, все равно отыщем.
Мы осудим их на земле орловской,
На полях псковских, у воды днепровской,
На родных шляхах, выжженных грозю,
И на тех снегах, где пытали Зою.

Мы стальным дождем над врагом просвишем,
Под землей найдем, под водой отыщем!

«И на тех снегах, где пытали Зою...» Эта печальная строка получила незадолго перед тем зримое свое раскрытие. У немецкого офицера, убитого под деревней Потапово, близ Смоленска, нашли фотографии, на которых с холодным цинизмом были запечатлены все этапы казни Зои Космодемьянской. И рядом с этими леденящими душу фотографиями было напечатано (в № 810) стихотворение поэта:

Ты видишь ее за секунду до казни.
Родимую землю любя горячей,
Она, не склоняясь, стоит без боязни,
На голову выше своих палачей.
Ты видишь ее на открытке немецкой
Такой, как осталась она на века, —
И рот ее, стиснутый мукой недетской,
И руки, зажатые в два кулачка...

Стихи в жарком слове с документальной, сильной своей достоверностью фотографией — этот двойной заряд ненависти и гнева часто входил у нас в те дни в «обойму» газетной полосы.

Под фотографией девочки — дочери замученного гитлеровцами учителя села Быстрый Берег — Вали Петровой, которую вместе с другими детьми партизан вывезли наши летчики из вражеского тыла, газета (№ 438) напечатала стихотворение с простым и вместе с тем очень выразительным рефреном: «Посмотри и запомни, товарищ, портрет этой девочки двух с половиною лет».

К снимку пробитого вражеской пулей комсомольского билета лейтенанта Кондратьева были даны (в № 436) такие стихи:

Если в строки его нам взглядеться,
Можно целую повесть прочесть.
Он зовет нас простреленным сердцем
На сраженье, на подвиг, на месть!

«На сраженье, на подвиг, на месть» звали и стихи-прокламации, стихи-листовки, стихи-лозунги. Несколько стихотворений подобного рода написал Сергей Михалков, не раз приезжавший на наш фронт. Мы и печатали их по-особому: на первой странице, броско, крупным шрифтом, чаще всего в один столбец, чтобы можно было вырезать это стихотворение-листовку из газеты, прочесть его и передать другому, наклеить на стене блиндажа, землянки, поместить в ртомом «боевом листке».

Вот строки из одного такого стихотворения — «Не быть России покоренной!» (№ 388):

...Забудь сегодня слово «жалость»
И ненависть зажги в груди.
Враги сильны. И их осталось
Еще немало впереди.
Так бей врага без сожаленья,
Не пощади и не прости,
К несовершенным преступленьям,
К еще нетронутым селеньям
Орду убийц не допусти!

И другое стихотворение Сергея Михалкова «Пусть не дрогнет твоя рука!», которое появилось в нашей газете (№ 390) почти одновременно с напечатанным в «Красной звезде» широко известным стихотворением Константина Симонова «Убей его!» и было написано в той же интонации, с той же страстностью:

...Не жалея его, не жалея,
Он сестер твоих не жалел.
Он стрелял и в моих детей,
И в твоих и в кого хотел.
Не щади его, не щади —
Он твоих друзей не щадил,
Он им звезды жег на груди
И на виселицы водил.

.....

Истребляй же его в бою,
 В небе, на море, на земле,
 В партизанском своем краю,
 В оккупированном селе.
 Враг хитер — будь еще хитрей,
 Ты научен уже войной,
 Враг силен, только ты сильнее —
 Ты стоишь на земле родной!

По-разному, но с такой же глубокой внутренней убежденностью укрепляли в сердцах воинов веру в могущество родной земли, в непобедимость советского народа, который не сломят, не согнут никакие испытания, и другие поэты, выступавшие во фронтовой газете в те трудные и горькие дни. Яркий образ русской земли, вздыбившейся, восставшей против нашествия подлых захватчиков, создал талантливый молодой поэт, студент Литературного института имени М. Горького Михаил Кульчицкий, позднее погибший на фронте и посмертно принятый в члены Союза писателей:

...Деревья русские ветвями,
 Как звери, лапами их бьют,
 Сама земля под их ногами
 Расступится могилой тут.

Им звезды русские не светят,
 Их русский ветер валит с ног,
 А в избах вскрикивают дети,
 Лишь враг стучит на порог.

(«Русская земля», № 182)

На этой священной земле стеною встали против врага все народы нашей страны — говорили стихи тех дней.

Кто б ни был ты — узбек или казах,
 У нас одна военная дорога,
 Один огонь горит у нас в глазах,
 Одно желанье и одна тревога.
 Одни у нас заботы и мечты —
 О Родине, о счастье, о народе.
 И наши песни не теряют красоты,
 Как стих Джамбула в русском переводе,—

обращался к «брату по оружию» М. Матусовский (№ 620). А Михаил Светлов, одно время также находившийся на Северо-Западном фронте, как бы развивая эту мысль, опубликовал на страницах нашей газеты (№ 457) «Послание Джамбулу», в котором писал:

...Но победные песни звучат
 Там, где русский с казахом стоят,
 И отнять эту песню нельзя,
 Где народы стоят, как друзья!

Каждый день приносил живое подтверждение этой мысли, в различной форме выраженной поэтами. Чудеса стойкости, мужества, отваги показали в одном из боев русский воин пулеметчик Шулегин, в другом бою — осетин Хазимурза Мильдзихов, в третьем — сын Азербайджана Исрафил Мамедов. И для каждого из героев — русского, осетина, азербайджанца — нашлись у поэтов гордые, высокие слова, полные восхищения совершенными ими подвигами.

Под фотографией пулеметчика сержанта Шулегина, который был дважды ранен и, не покинув поля боя, уничтожил 30 гитлеровцев, было помещено (в № 414) стихотворение Михаила Матусовского:

Он встает передо мною,
 Бледный, с пересохшим ртом,
 С обгаренной головою,
 Перевязанной бинтом.
 В узкой амбразуре дзота
 Землю видел он свою
 И не встал от пулемета,
 Дважды раненный в бою.

Он сражался, сдвинув брови,
 До победного конца,
 Две полоски цвета крови
 Украшают грудь бойца.
 Тридцать псов лежат в могиле.
 Так боец рубеж хранит.
 Этой твердости и силе
 Позавидует гранит.

Имя другого героя, уничтожившего в неравном бою 108 фашистов, вошло в призыв, обращенный ко всем воинам нашего фронта:

Громи врага сноровисто и лихо,
 Как доблестный Хазимурза Мильдзихов!

О том, как был воспет третий герой, хочется рассказать поподробнее, — это один из примеров подлинно оперативной работы фронтового поэта.

— Миша, — было сказано однажды майору Матусовскому, нашему «основному», постоянному поэту. — Только что привяли по радио Указ. Исрафилу Мамедову дали Героя. Нужны стихи. В номер!

О подвиге старшего сержанта Мамедова подробно писала и наша газета и «Красная звезда». Десять часов во главе группы бойцов он сдерживал бешеные атаки гитлеровцев, не отступив ни на шаг. И стихи о нем («в номер» (171) были написаны. Утром следующего дня весь фронт читал горячие строки о славном сыне Азербайджана:

Он птенец из выводков орлиных,
 Он один из тех богатырей,
 Что воспела русская былина,
 Стих ашугов, думы кобзарей.

Завершались эти строки тоже призывом — в нем прославлялось имя героя, так свободно рифмующеся с заветным для всех нас словом — победа.

С каждым часом ближе к нам победа.
 В грозном наступательном бою
 Будь таким, как Исрафил Мамедов,
 Защищая Родину свою!

Да, всё это были газетные стихи — в лучшем смысле слова газетные. Они шли от факта, события, документа, фотографии. Не потому ли каждая строка в них стреляла! Еще не успело ни разу выстрелить противотанковое орудие, купленное на личные сбережения матерью гвардии старшего лейтенанта Ларина и присланное ему в подарок, а на страницах газеты уже появилось посвященное этому замечательному факту стихотворение — «Письмо сыну»:

Я никогда не забывала
 О воинской твоей судьбе,
 Я по ночам недосыпала,
 Подарок делая тебе.
 В нем всё — и боль моя и старость,
 Вся сила гнева и огня.
 В нем всё — любовь моя и ярость, —
 Прими подарок от меня!

Запомнился и такой эпизод. Из «радиорубки», как называли мы узенькое купе вагона, в котором радистка Катя Иванова принимала тассовские сообщения, приходят в мое секретарское купе сводку Совинформбюро. Читайте строки о том, что нашими войсками освобождена Каховка. «Каховка, Каховка, родная винтовка...» — возникает в памяти мелодия хорошо знакомой по довоенным временам песни. И тут же рождается идея: что если попросить автора этой песни Михаила Светлова написать новый текст об освобождении от врага легендарной Каховки? Через минуту, оседлав телефон, «ловлю» Светлова, находившегося в те дни в одной из армий на нашем фронте. С трудом нахожу. Вначале он упрямится, — уж больно сжатый срок я ему даю, — но в конце концов сдаётся. И ровно через два часа, как было условлено, прини-

РЕДАКЦИОННАЯ «ЛЕТУЧКА»

Сотрудники редакции газеты «За Родину» (слева направо): Г. Г. Куприянов и Л. И. Плескачевский (лит. сотрудники), К. П. Павлов (зам. редактора), С. А. Савельев (отв. секретарь), Т. Н. Мельник (фотокорреспондент), В. П. Московский (редактор), Б. А. Бялик и А. А. Исаха (писатели)

Фотография П. Б. Бернштейна. Северо-Западный фронт (Новгородская область), июль 1941 г.

Собрание С. А. Савельева, Москва

маю по телефону, записываю строфу за строфой новый текст «Каховки». Наутро он появляется в газете (№ 817):

Украинский ветер шумит над полками,
Кивают листвою тополя...
Каховка, Каховка, ты вновь перед нами,
Родная, святая земля.
Мы шли через горы, леса и долины,
Прошли через гром батарей.
Сквозь смерть мы пробились...
Встречай, Украина,
Своих дорогих сыновей!

Под солнцем горячим,
Под ночью слепою
Прошли мы большие пути.
Греми, наша ярость,
Вперед, бронепоезд,
На запад, на запад лети!

Пожары легли над Каховкой родимой,
Кровава осенняя мгла.
И песни не слышно, и в сердце любимой
Немецкая пуля вошла.
За юность, на землю упавшую рядом,
За Родины славу и честь —
Забудем, товарищи, слово пощада,
Запомним, товарищи, месть!

Под солнцем горячим,
Под ночью слепой
Прошли мы большие пути.
Греми, наша ярость,
Вперед, бронепоезд,
На запад, на запад лети!

Наш Северо-Западный фронт долгое время держал оборону — стойкую, мужественную, упорную, изматывавшую противника оборону, не вел до поры до времени крупных наступательных операций. Мы радовались, радуемся, и своим, оборонным победам, но еще больше — победам других, наступательных фронтов, по-хорошему им завидовали. Десятки стихов выражали владевшее нами чувство нерасторжимой связи со всей Родиной, чувство тревоги, надежды, а затем ликования, радости по поводу исхода боев за Москву, Ленинград, Сталинград, чувство братства и войскового товарищества со всей нашей армией.

Здесь каждый дом стоит, как дот,
И тянутся во мгле
Зенитки с крыши в небосвод,
Как шпиль на Кремле,
Как знак, что в этот час родней
С Кремлем моя земля,
И даже кажутся тесней
Дома вокруг Кремля.
На окнах белые кресты
Мелькают второях.
Такой же крест поставишь ты,
Москва, на всех врагах.

Так в стихотворении «Столица» (№ 164) рисовал Москву в суровые дни ее обороны поэт Михаил Кульчицкий.

И победителями вновь
Мы по местам родным шагаем,
Одно из лучших русских слов
— Смоленск! — мы жадно повторяем...

— писал Михаил Светлов, когда был освобожден этот древний русский город (№ 785). А в стихотворении «Ворота в Крым» (№ 809) он воспевал успешные бои на юге:

...К долинам южным, в солнечный рассвет,
Как в дом родной, идет за рогой рота.
Ударил нам в глаза победы свет,
Как моря синь в Байдарские ворота.
Нас встретит опаленная земля,
Ослепшая от вспышек канонады,
Замученные наши тополя,
Раздавленные гроздьи винограда.
Земля родная! В ярости атак
Мы не простим врагу твоих страданий
И мы пробьемся сквозь фашистский мрак
Тысячами северных сияний!

Приезжавшая к нам на фронт Маргарита Алигер и Михаил Матусовский обращали отсюда, с Северо-Запада, написанные ими в творческом содружестве стихи к сражающемуся Кавказу: «Край вольности, приют орлиный, /Громи немецкие полки, /Бросай на них свои лавины, /Свои снега и ледники!» (№ 557). А под радостным сообщением «В последний час» — о прорыве блокады Ленинграда — мы напечатали (в № 570) стихотворение тех же двух поэтов, в котором были такие строки об этом бесконечно дорогим сердцу каждого из нас городе:

...И не чернилами, а чистой кровью
И не стихи, а гимн писать о нем.
Мы так к тебе стремились всей любовью,
Всей силой, всем железом и огнем,
Мы так рвались сквозь дымы горизонта
И сквозь металл немецкого кольца,
Как первый воин Волховского фронта,
Обнявший ленинградского бойца.

Освобождено Запорожье — и газета печатает (№ 801) стихи Михаила Светлова:

...С нижнего течения Днепра
Прогремело русское ура.
Вся Россия отвечает будто
На раскат московского салюта.
И гремит победы торжество
По сосудам сердца моего.

А еще, как бы слышится во всех этих стихах, «по сосудам сердца» бурлит, клокочет великое нетерпение: когда же и наш Северо-Западный фронт перейдет в наступление, сотрет в порошок окруженную им в районе Демянска 16 немецкую армию генерала фон Буша, освободит истомившуюся в фашистской неволе Старую Руссу? Высокий наступательный порыв владеет воинами и поэтами, властно врывается в стихи, опережая приказы командования, поднимает в бой на врага, зовет в поход... Так рождается хорошо запомнившееся многим северо-западникам стихотворение Михаила Матусовского «Друзья, пора и нам в дорогу!» (№ 569).

Боец читает своим друзьям сообщение «В последний час» об успешном наступлении наших войск на других фронтах. И, слушая это сообщение, каждый думает:

Повсюду двинулся народ,
Друзья, пора и нам в дорогу!

Рассказывали, что начальник штаба одной из дивизий, воевавших на нашем фронте, вырезал это стихотворение из газеты, повесил на стене землянки и молча указывал на него всем входившим в землянку офицерам, будто говоря этим: «Готовьтесь к решающим боям!», будто повторяя за поэтом: «Друзья, пора и нам в дорогу!»

Не так уж долго пришлось ждать этого счастливого часа. В конце 1943 г. Демянский плацдарм вместе с остатками перемолотой 16 немецкой армии был ликвидирован, Северо-Западный фронт перестал существовать, и вслед за тем весь коллектив редакции был переброшен на 2 Белорусский фронт. Здесь наша газета «За Родину» сменила свое название на «Фронтovou правду». К отряду ее прежних авторов-поэтов, в который входили еще Марк Гроссман, Леонид Елисеев, Юрий Левитанский, Леонид Вышеславский, Владимир Алатырцев, казахские поэты Аскар Токмагабетов, Джубан Мулдагалиев, Сагингали Септов, латышский поэт Арвидс Григулис, прибавились новые имена.

На страницах «Фронтовой правды» было напечатано (в № 1237) талантливое стихотворение Сергея Наровчатова «Пропавшие без вести» с получившими широкое звучание строками о молодом поэте Михаиле Кульчицком: «Я верю — невозможное случится, / Я чарку подниму еще за то, / Что объявился лейтенант Кульчицкий / В поручиках у маршала Тито», публиковались стихи Марка Соболя, Евгения Аграновича и других поэтов.

Еще на Северо-Западном фронте Леонид Елисеев в стихотворении «Высота» (№ 698) с грустью вспоминал о том, что ее, высоту, «на довоенном лексиконе» называли совсем по-иному: курганом, горой, крутым подъемом... Скорей бы, скорей вернуть высоте эти старые добрые имена! Но еще идут за нее упорные бои —

И зваться высотой так
Ей лето, может быть, и осень,
Пока сидит на скате враг,
Пока мы вниз его не сбросим.
Громить мы будем гору ту
Ежеминутно, ежечасно,
Пока на карте высоту
Кружком не обозначим красным.
И, верь мне, в этом правда есть,—
Пока врага с горы не скинем,
Траве не быть, цветам не цвести,
А быть огню и быть пустыне...

Одну из таких безымянных высот увидел в своем стихотворении «Мать» (№ 1252) и молодой поэт Евгений Агранович. Нет, еще не на карте, а на местности была она

СБОРНИК ВОЕННЫХ СТИХОВ

С. П. ШИПАЧЕВА

М., изд-во «Правда», 1942

Обложка с автографической надписью
поэта, 5 ноября 1942 г.

Литературный музей, Москва

«обозначена красным» — алой кровью павшего здесь смертью храбрых русского солдата Лебедева: «Он одним снарядом был убит и вторым снарядом похоронен». На фронт приходит мать солдата. Она беспокоится о своем сыне — теперь уже мертвом, просит майора, командира части, проводить ее на то место, где он погиб. Но высота, на которой пал солдат, — в руках врага. С гневом, с укором смотрит на командира седая женщина. С губ ее срываются резкие, обидные слова: «Может быть, твоя придет просить?!» И тогда майор созывает солдат и говорит им: во что бы то ни стало высота должна стать нашей!

Мы два раза шли здесь в наступленье
И два раза возвращались вспять.
Но вот это — Лебедева мать,
И она не может больше ждать!

Заканчивалось это стихотворение-баллада сильными и проникновенными строками:

Думается мне, что мать другая
На передний край сюда пришла.
Родина зовется эта мать —
И она не может больше ждать!

Глубоко впечатляющую картину нарисовал Е. Агранович и в другом своем стихотворении, тоже балладного строя — «Пограничный капитан» (№ 1280). Помню, как горячо и взволнованно, звонким, напряженным голосом прочел он его на фронтовом совещании писателей и публицистов, и как резануло, обожгло всех нас то, о чем поведал молодой поэт.

«Тридцати каких-нибудь часов» не хватило капитану, командиру роты, чтобы «до границ Германии дойти». «Он почти что видел цель свою», когда его сразила пуля. Его, который так «торопил нас дни и ночи, бой за боем и за годом год...» И тогда

воины побросали свои «жидкие солдатские пожитки, вещевые тощи мешки», и «четыре кавалера Славы», подняв на носилках тело своего командира, понесли его впереди роты.

До границы — я клянусь — ни разу
 Не коснулся капитан земли.
 Тех, кто падал, подменяли сразу,
 Мины рвались, — мы его несли.
 Жуткое ли было в этом что-то,
 Но, воюя, бежал пред нами враг,
 Когда молча шла в атаку рота
 С мертвым капитаном на руках.
 Мы дошли, упорные солдаты,
 Злые, почерневшие, в дыму.
 Малые саперные лопаты
 Вырыли укрытие ему.
 Памятником лучшим на могиле,
 Самым прочным, верным и родным,
 Пограничный столб мы водрузили
 С буквами советскими над ним.
 И чтоб память война, нетленна,
 В нас жила, когда года пройдут,
 Старшина скомандовал: «С колена
 В сторону противника — салют!»

Написано было это стихотворение тогда, когда до границ гитлеровской Германии оставались еще сотни километров. Но разве не помогали такие строки быстрее их пройти?

...Я перечитал сейчас в комплекте газеты стихи, написанные в период наступления на 2 Белорусском фронте, и подумал о том, что по стихам этим, право же, можно составить карту боевого пути войск фронта — от Могилева до Штеттина.

Как радостно было в те долгожданные дни писать, петь славу нашим идущим вперед и вперед на запад полкам и дивизиям! В монументальный обобщенный образ советского война-победителя выростала в одном из стихотворений, написанных весной 1944 г. (№ 1073), фигура героя наступательных боев на нашем фронте, кавалера двух орденов Славы со знаменитым именем, отчеством и фамилией — Иван Иванович Иванов:

Он долго с друзьями сидел в обороне,
 Теперь он идет по родной стороне,
 Вчера он попробовал воду из Прони,
 Сегодня он вырвался к Березине.

Любовным поклоном, высоким почетом
 Встречает народ долгожданных сынов.
 По вязким болотам, по трудным высотам
 Идет в наступленье Иван Иванов.

«... Но тебя еще ждут в Могилеве», — писал в начале наступления поэт, обращаясь к воину-освободителю. Прошло некоторое время, и, неотступно, шаг за шагом, следуя со своей музой за стремительно продвигающимися частями фронта, он уже воздавал «хвалу и честь богатырям, героям Волковыска». Потом звал еще дальше: «В бою усталости не ведай, / Пусть труден путь, огонь жесток. / Нас ждет Отечество с победой. / Вперед, орлы, на Белосток!» Когда был освобожден и Белосток, — писал: «Мы движемся сегодня на Варшаву, а завтра мы ударим на Берлин». Новый рывок вперед — новые стихи: «Советским героям уже не впервые / Идти через мартовский лед, / Вперед, сыновья легендарной России, / На Данциг, на Гдыню вперед!» Затем — такие горделивые строки: «Мы шагали сквозь огонь и ветер / По чужим полям чужой земли / И сегодня рано на рассвете / Балтику увидели вдали...» И — такие, полные глубокой веры в нашу уже близкую полную победу: «Пусть сложит былины / Отчизна моя о русском бойце, исполнине, / Шагайте, родные, шагайте, друзья, / Мы будем, мы будем в Берлине!»

Были на этом трудном, политом потом и кровью, но славном боевом маршруте войск и горестные впечатления, и они также нашли свое отображение в стихах.

Когда войны 2 Белорусского фронта освободили Могилев, они увидели в застенках могилевского гестапо следы страшных человеческих трагедий — надписи на стенах, сделанные загнанными сюда советскими людьми. И родилось тогда скорбное и гневное стихотворение «Стены говорят» (№ 1075):

Простая надпись, пять коротких слов,
Но сколько муки в каждом этом слове!
«Тут был замучен Николай Орлов»...
И дальше — пятна сырости и крови.
Мы по тюремным камерам идем,
Еще письмо бросается в глаза нам,
Вот кто-то наспех вырезал гвоздем:
«Меня убьют за помощь партизанам».
Вот чья-то просьба, вот предсмертный крик,
Оставшийся навеки в этой яме.
Здесь — детский почерк,
Здесь — писал старик,
Здесь женщина прощалась с сыновьями.

.....
Душителю заплатят нам вдвойне
За всё, что причинили нашим людям,
И надписи на каменной стене
Мы и в Берлине тоже не забудем!

...И как бы подводя итог, писал в дни Победы от имени своих героев фронтовой поэт: «Нам было в пути нелегко временами, / Но шли мы в метель и в жару, / И вот опаленное порохом знамя / Шумит на берлинском ветру...»

В светлые майские дни сорок пятого года сложилась и нехитрая песня воинов нашего фронта — «Песня о солдатской славе» (№ 1360), музыку к которой написал композитор В. Кручинин:

Как вернешься ты до дому,
Как обнимешь ты жену,
Спросит верная подруга:
«Где провел ты всю войну?»
Скажешь ты с улыбкой гордой:
«Я прошел свинцовый шквал,
На Втором на Белорусском
Я с врагами воевал.
Грозный гром, салют московский
В нашу честь гремел не раз.
Храбрый маршал Рокоссовский
Вел всегда к победе нас».

Между прочим, песня эта — одно из свидетельств того, что именно в стихах военных лет взяла свое начало песенная струя в творчестве Михаила Матусовского. Кто сейчас не знает его «Подмосковных вечеров»! А ведь еще весной 1942 г. из-под пера поэта вышел, можно сказать, «прообраз» этой столь широко известной ныне песни. Я имею в виду написанную им на войне «Песню об Ильмень-озере» (№ 260): та же интонация, ритмика, мелодика, что и в появившихся спустя пятнадцать лет «Подмосковных вечерах»:

Утром заводи подморозило
И раскинулось вдаль и вширь
Наше озеро, Ильмень-озеро,
Словно северный богатырь.
От лесов и рек веет славою,
Не сдадут ее никогда
Белоснежные, златоглавые
Древнерусские города.
Сердцу нашему всё здесь дорого —
Сосны вечные да снега.
В битву поднялись против врага
Ильмень-озера берега.

Вспоминается, что в том же 1942 г. приезжавший на наш фронт композитор Мариан Коваль написал на этот текст музыку.

УЧАСТНИКИ СОВЕЩАНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ 2 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА

Слева направо: И. П. Бауков, А. А. Исбах, М. Л. Матусовский, В. Д. Замятин, С. С. Наровчатов, М. К. Луконин

Фотография ст. лейтенанта В. Шабашова, январь 1945 г.

Собрание А. А. Исбаха, Москва

Характерно также, что, пожалуй, ни один из выступавших в газете поэтов и в годы войны не отходил от главной, основной в своем творчестве темы. Степан Щипачев, поэт-лирик, автор известного стихотворения «Любовью дорожить умеете...», в написанном им на фронте стихотворении «О любви» (№ 382) говорил:

Мы и в любви сегодня строже.
Пусть будет девушкой лишь тот любим,
Кому и жизни и любви дороже
Земля, которой мы не отдадим.

Сергей Михалков, создавший до войны столько хороших стихов о детях и для детей, и в военных стихотворениях оставался верным своим юным героям.

В его стихотворении «Десятилетний человек» (№ 343) — о мальчике, у которого гитлеровцы убили мать и сестру, — были такие строки:

... Всё видевший, на всё готовый,
По грудь проваливаясь в снег,
Бежал к своим русоголовый
Десятилетний человек.

И по щеке его ни разу
Не проложила путь слеза,
Должно быть, слишком много сразу
Увидели его глаза
За эти месяцы страдания,
Которые равны годам...
Но ты, фашистская Германия,
За них сполна ответишь нам!
Детоубийцы и грабители,
Вам ничего не скрыть вовек,
Он будет первым обвинителем —
Десятилетний человек.

Но одна тема была общей для всех поэтов. Это — тема беззаветной преданности народу, партии, ленинскому знамени. «Знамя Ленина» — называлось стихотворение Степана Щипачева, напечатанное в начале 1942 г. в № 208 газеты:

Оно всю Родину объемлет,
К победе Родину ведет,
И мертвый, падая на землю,
На древке рук не разожмет.
Под этим знаменем сквозь ночи,
Сквозь дождь и снег мы шли вперед.
Гранит — вода и ветер точат,
Оно бессмертно, как народ.

Бессмертие великого вождя было воспето Степаном Щипачевым и в одном из лучших его стихотворений «Ленин», написанном в первые месяцы войны:

Из бронзы Ленин. Тополя в пыли.
Развалины сожженного квартала.
Враги в советский городок вошли
И статую низвергли с пьедестала.

Полковник-щеголь был заметно рад,
Что с памятником справился так скоро,
И щелкал долго фотоаппарат
Услужливого фоторепортера.

Полковник ночью хвастал, выпивал,
А на рассвете задрожал от страха:
Как прежде, памятник в саду стоял,
Незримой силой поднятый из праха.

Заторопились офицеры вдруг,
Вдали неясные мелькали тени.
То партизаны, замыкая круг,
Шли на врага.

И вел их Ленин.

В нелегких фронтовых условиях поэты сумели создать и ряд больших произведений. М. Матусовский написал пять поэм: «Володька» (№ 274) — о юном герое фронта Владимире Попове, «Безымянная высота» (№ 355) — о стойкости советских воинов, «Друзья» (№ 392) — о двух бесстрашных снайперах Семене Номоконове и Тогоне Санжееве, «Дед» (№ 514) — о советском патриоте старом колхознике Иване Васильевиче Липатове и «Песня об Айтигды Тагирове и его друге Андрее Савушкине» (№ 708, 711, 714) — на тему интернациональной дружбы солдат; поэт Владимир Соловьев, работавший одно время у нас на Северо-Западном фронте, опубликовал большую поэму о саперах «Переправа» (№ 631 — 634); Сергей Михалков — поэму «Мать солдатская» (№ 526). Только некоторые из этих произведений, требующих специального разбора, вошли в изданные после войны сборники, а стоило бы познакомить нынешних наших читателей со всеми названными поэмами.

Хочется сказать хотя бы несколько слов и о том, как поистине безотказное поэтическое оружие помогало в каждодневной работе над номером газеты. Речь идет о звонких ударных стихотворных «шапках» — двестишестидесяти и четверостишиях — к публикуемым в газете материалам. Возглавляя «строчечный фронт» многих газетных страниц и подборок, они первыми входили в сознание читателя и часто оставляли в нем глубокий след, использовались армейскими пропагандистами и агитаторами в живой речи.

Вот некоторые из таких «шапок». К специальному номеру, посвященному 700-летию Ледового побоища:

Удар могучий по врагам
Удвой еще, утрой еще!
Устроим вновь поганым псам
Ледовое побоище!

К передовой статье, прославлявшей мастера рукопашного боя красноармейца Зарецкого:

Пехотинец удалой,
Богатырь советский,
Молодецки бей врага,
Как боец Зарецкий!

И еще и еще десятки стихотворных «шапок», понятных и без всяких пояснений:

У снайпера тверда рука,
Он бьет врага наверняка!

Смекалистый силен втройне —
Он побеждает на войне.

Бей штыком, круши прикладом!
Смерть захватчикам неси,
Чтобы Гитлером проклятым
И не пахло на Русь!

И один в поле воин,
Если он советский воин!

У санитаря много неведомых друзей.
Спасая жизнь другому, он не щадит своей.

Бей, чтоб взвыла фашистов орда!
Русские прусских бивали всегда!

Почему так фрицы врут?
Потому что фрицев бьют!

Бей в упор фашиста-зверя,
Как герои за Днепром,
Умножай его потери,
Приближай его разгром!

И такая, почти суворовская «шапка», в которой выразилась полная уверенность в нашей могучей силе, в близости окончательной победы:

Мы и в Гданьске, мы и в Гдыне,
Будем скоро и в Берлине!

Приятно было, проезжая по фронтовым дорогам, видеть написанные огромными буквами на транспарантах, а то и просто на стенах домов многие из хорошо знакомых «шапок», нередко коллективно рожденных в ночной редакционной горячке и уже на следующее утро сошедших с газетной полосы в самую гущу войск, в горнило боя...

КАК БЫ ОЖИВШИЕ СТРАНИЦЫ...

От фронтовой поэзии не отставали и другие жанры — публицистика, очерк, рассказ.

18 июля 1942 г. в нашей газете (№ 386) была помещена большая статья Александра Фадеева «Героический Ленинград».

«Я прожил в Ленинграде около двух месяцев, — писал он. — И то, что узнал и увидел, раскрыло передо мной картины величия и силы человеческого духа, небывалые в истории.

В одной из школ Ленинграда в беседе с учащимися и преподавателями возник вопрос „о новом человеке“. Вопрос возник в связи с романом „Разгром“, стоящим в программе десятого класса. Нельзя было без волнения слушать, как мои собеседники старшего и младшего поколения говорили о „новом человеке“, не подозревая, что они-то и есть живые новые люди, каждый шаг которых в Великой Отечественной войне освещен светом самых больших мыслей и дел, какие только знало человечество».

Эти слова Фадеева могли бы повторить все другие писатели, побывавшие на войне, в том числе те, что работали в нашем редакционном коллективе. Сколько волнующих картин величия и силы человеческого духа прошло перед ними на Северо-Западном, а затем на 2 Белорусском фронте! И листая сейчас страницы газеты с их статьями, очерками и рассказами тех лет, вочью видишь: герои этих скромных, нередко торопливо написанных произведений военной публицистики, очерковой литературы и малой прозы — «они-то и есть новые люди», чьи замечательные черты во всей полноте раскрылись в годы военных испытаний.

Целая галерея таких людей встает в очерках и рассказах Александра Исбаха, который и дольше и больше всех других работавших у нас писателей потрудился в этом боевом жанре. Воспитанник А. С. Серафимовича, друг Дмитрия Фурманова, он тянулся главным образом к бывалым воинам, к героям, как бы сошедшим на поля сражений Великой Отечественной войны со страниц «Железного потока» и «Чапаева».

Живой портрет одного из тех, кто принес на фронт эстафету боевой славы незабываемых двадцатых годов, был создан писателем в написанном им от первого лица документальном рассказе гвардии майора А. Находкина «На третьей войне» (№ 619). То был рассказ-очерк о человеке, который участвовал еще в первой мировой войне, служил под началом генерала Брусилова, в 1917 г. вступил в ряды партии, пошел добровольцем в Красную Армию, был в годы гражданской войны комиссаром, встречался с Я. М. Свердловым, был соратником Щорса, а теперь, в свои пятьдесят шесть лет, воевал в одной из гвардейских саперных частей на Северо-Западном фронте. Сын его Иван и дочь Тамара тоже сражались в рядах Советской Армии.

К этому очерку примыкали и другие — о старом чапаевце минометчике Андрее Васильевиче Близначеве (№ 435); о бывшем учителе истории большевике Сергее Никитиче Королькове — тихом, незаметном «бойце в очках», ставшем любимцем воинов, агитатором, заместителем политрука (№ 394); о бывшем бригадире колхоза «Новый путь» Горьковской области, командире роты разведчиков Александре Хрипкине.

В большом, на целую страницу, очерке о Хрипкине (№ 431) был эпизод, который долго потом передавался на фронте из уст в уста.

На передовые позиции приехал член Военного Совета. Он вручал ордена и медали героям.

«— Хрипкин Александр Михайлович! — вызвал по списку секретарь. — Орден Красного Знамени».

Бригадный комиссар с интересом оглядел мощную фигуру командира, вручил ему орден и поздравил с наградой. Хрипкин поблагодарил и продолжал стоять перед комиссаром. Комиссар удивленно посмотрел на него, на секретаря.

— Следующий.

— Хрипкин Александр Михайлович, — опять прочел секретарь. — Орден Красной Звезды.

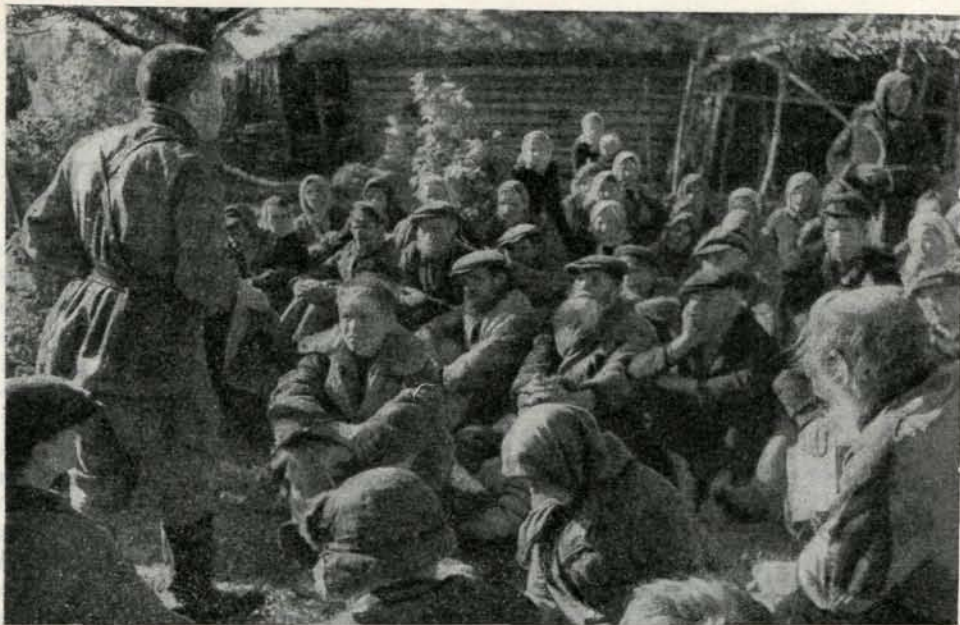
Бригадный комиссар улыбнулся. Он вручил Хрипкину второй орден и сказал:

— Так мы с вами до самого вечера будем заниматься, товарищ Хрипкин.

Хрипкин тоже усмехнулся. Непрерывно занятый в боях, он не успел еще получить всех своих наград. А кроме орденов, причиталось ему получить еще медаль „За отвагу“. И все это были награды за отважные и дерзкие дела.

Александр Исбах приезжал «на базу», в наш поезд-типографию, только на один-два дня, чтобы «отписаться», и тут же, на редакционной машине, а то и испытанным способом «голосования», на попутных, снова отправлялся на передний край. Он умел отыскивать там каких-то особенно интересных, красивых своим богатым духовным миром людей — энергичных, смелых, решительных, жизнестойких и жизнелюбивых. Чаще всего это были коммунисты, комсомольцы или люди, решившие на фронте в самые трудные дни, связать свою судьбу с партией, комсомолом.

Силу и мужество не сгибающегося ни перед чем советского человека показал писатель в очерке «Победа жизни» (№ 495) — о том, как раненный восемнадцать раз капитан Семен Львовский не утратил веры в жизнь, в победу и был вознагражден тем, что встретил свою семью, которую он считал погибшей.

В ТЫЛУ ВРАГА

Корреспондент газеты «За Родину» Б. Р. Изаков выступает на оккупированной территории перед жителями деревни Акулёво

Фотография М. А. Трахмана. Псковская область, май 1943 г.
Центральный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

Еще и еще очерки... О пулеметчиках братьях Дорофеевых (№ 461). О разведчике Константине Шкурове, в прошлом непутевом пареньке с горячим, неустоявшимся характером (№ 396). В детстве, не вытерпев материнских укоров, он ушел из дому, в теплушках, на площадках товарных поездов, а то и просто на буферах изъездил всю Сибирь. Подпал под чье-то дурное влияние, угодил в тюрьму. На фронте держался первое время бирюком. Казалось Косте, что все бойцы знают о его судимости, относятся к нему настороженно и недоверчиво. Но день за днем солдат менялся. Он отличился в одном бою, в другом, был награжден орденом Красной Звезды, с него сняли судимость. «Вечером, — заканчивался этот очерк, — впервые за много месяцев, он написал письмо в Сибирь, матери. Теперь, наконец, он мог писать ей без стыда».

Особенностью очерков и рассказов другого нашего прозаика — Кузьмы Горбунова — была их сюжетность, напряженность действия, драматизм ситуаций, переплетение трагического и радостного в жизни людей на войне. Сильное впечатление и на читателей-фронтовиков и на нас, редакционных работников, произвел один из его первых рассказов «Знамя» (№ 142) — о том, как лейтенант Иван Гусев во главе отряда красноармейцев вышел из окружения и вынес на груди, под гимнастеркой знамя. Он спас его в последнюю минуту, бросившись в объятую пламенем избу, в которой помещался штаб, снял с дровка алое полотнище и спрятал его. Шестидесять дней и ночей шли войны через болота и топи к своим.

«Неожиданно слева, с железнодорожной насыпи, затрещали автоматы...

— Немцы! — крикнул Гусев. — В цепь! Ложись!

Бойцы рассыпались по берегу. Стреляя, они пядь за пядью ползли вперед... Вдруг из недалекого перелеска по насыпи полоснула длинная пулеметная очередь. Немцев будто ветром сдуло. Гусев вскочил, выпрямился во весь рост.

— Наши, выручка! За мной!

Он бежал и слышал, как за его спиной скрипит под ногами бойцов снег. Гусев начал растегивать крючки шинели. Они не поддавались. Лейтенант рванул шинель

за борта и сбросил ее, потом снял гимнастерку и развернул знамя. Оно полыхнуло на ветру малиновым пламенем.

— В штывы, на прорыв! — во весь голос кричал лейтенант.

От перелеска к насыпи катилась вторая лавина людей в знакомых серых шинелях.

Встреча произошла у разрушенного железнодорожного моста.

Кто-то крепко сжимал Гусева в объятиях. Он сам целовал кого-то и чувствовал, что лицо его мокро от слез...»

Живо припомнился мне этот рассказ совсем недавно, когда я смотрел фильм по роману Константина Симонова «Живые и мертвые». Там, как известно, есть сходный эпизод с вынесенным из окружения знаменем; в талантливом этом романе и фильме писатель с потрясающей силой воссоздает правду первого, самого тяжелого года войны, — правду, которая легла и в основу рассказа К. Горбунова.

В четырех номерах газеты (409—412) печатался с продолжениями рассказ К. Горбунова «Будем жить!»

«Будем жить!» — эти два коротких, полных твердой уверенности и силы слова — как бы прозвучали и в очерках писателя «Своя рота» (№ 485) и «Сквозь вражеское кольцо» (№ 167, 169, 171, 174).

Первый рассказывал о том, как ослепший в бою солдат Филипп Ковальчук ползком, на ощупь пробирался к своим и в конце концов, проползши за двенадцать часов шесть километров, безошибочно добрался до родной своей роты.

Второй очерк был посвящен летчику старшему лейтенанту Самойлюку, штурману Белоусу и радисту-стрелку Дымчикову. Посадив свой подбитый врагом самолет на лес, Самойлюк и его товарищи сожгли машину, примкнули к действовавшему в тылу противника отряду истребителей, вместе с ним пробившись затем к нашим, вернулись в родную эскадрилью.

Этот большой очерк имел свое продолжение. Спустя некоторое время герои его выступили на страницах газеты (№ 184) с письмом, в котором сообщали, что получили новый самолет, успели уже сделать на нем восемь боевых вылетов и нанесли большой урон врагу.

Жизнь дописала и еще один очерк К. Горбунова — «Героини» (№ 213) — о славной партизанке Лизе Чайкиной и ее боевых подвигах. По следам первых фронтовых страничек другой писатель — Николай Бирюков — собрал затем богатейший материал о Лизе Чайкиной и ее бессмертном подвиге и создал впоследствии замечательную книгу «Чайка», ставшую одной из любимых книг нашей молодежи.

«Героини» были далеко не единственным очерком о партизанах на страницах нашей газеты. Еще в октябре-ноябре 1941 г. в тринадцати номерах (109, 111, 113, 115, 117, 119, 121, 123, 126, 128, 132, 138, 142) были напечатаны «Письма из партизанского отряда». Эти очерки о героической борьбе народных мстителей написал наш специальный корреспондент, молодой журналист-литератор, ныне автор нескольких книг Лев Плескачевский. По заданию редакции он пересек линию фронта, провел 20 дней в партизанском отряде, действовавшем в глубоком тылу противника, и рассказал затем в своих «Письмах» о славных боевых делах этого отряда и о жизни советских людей во временно захваченных оккупантами районах.

«Болотные тут места. Глухие. Тишина... — так начинался один из первых очерков Л. Плескачевского. — Но приложи ухо к земле, прислушайся. Тяжко стонет русский крестьянин, на шею которого гитлеровцы пытаются надеть ярмо. Плач и ропот разносится по оккупированным деревням, глухим эхом отдается и замирает в лесу, что чернеет на горизонте. Туда, к лесу, из деревень, через непроходимые болота, каждую ночь тянутся непокоренные, свободолюбивые русские люди...»

Некоторое время спустя в болотные и глухие эти места, в «партизанский край» полетел работавший в нашей газете известный журналист-международник батальонный комиссар Борис Изаков. Вернувшись оттуда, он опубликовал цикл очерков «В лесах партизанского края» (№ 440, 442, 444, 446, 448, 451, 453, 455, 457).

С большим интересом следили войны нашего фронта за появлением этих достоверных, написанных не по сводкам и донесениям, а по личным наблюдениям страничек,

повествовавших о том, как бесстрашные партизаны нападают на вражеские отряды, взрывают мосты, нарушают связь, уничтожают машины и живую силу противника, наводят панику в его тылу.

В страничках этих, добытых с немалым трудом и опасностью для жизни, вынесенных, что называется, из самого пекла, Борис Изаков, хорошо знакомый фронтовикам-читателям как автор чуть ли не ежедневно печатавшихся в газете статей и обзоров на международные темы, предстал в новом качестве — как очеркист с острым и точным зрением.

В «партизанском крае» Борис Изаков был ранен, но, не оправившись еще окончательно от ранения, вернулся в редакцию.

«К югу от озера Ильмень» — этой часто повторявшейся в те дни в сводках Совинформбюро фразой о боях на нашем фронте, назвал он свой очерк (№ 303), переключившийся по форме с знаменитыми «Письмами товарищу» Бориса Горбатова. Когда войска Северо-Западного фронта начали бои за освобождение Старой Руссы, Б. Изаков взволнованно и поэтично писал: «Старый русский город, ты недаром носишь свое гордое имя. Первые камни твои закладывались в дни расцвета Новгородской Руси. Ты дружил с новгородской вольницей, протягивал руку через Ильмень-озеро старшему брату — Господину Великому Новгороду. Не в твоих ли стенах гостил веселый новгородец Садко, не здесь ли звучали струны его волшебных гуслей?» (№ 244).

Много и хорошо поработал в газете и Борис Бялик. Литературовед, автор многих книг о Горьком, он выступал в самых различных, казалось бы, не свойственных его перу жанрах, и всегда с глубоким проникновением в тему, остро, горячо.

Когда в газете были опубликованы уже упоминавшиеся снимки казни Зои Космодемьянской, найденные у убитого немецкого офицера, Б. Бялик вспомнил в своей статье (№ 810) о другой страшной находке, сделанной весной 1943 г. на нашем фронте, в двух километрах от деревни Коровитчино. Здесь, на лесной тропе были обнаружены трупы четырех советских воинов, которых зверски пытали гитлеровцы. У одного из них оказались в кармане слипшиеся от крови клочки газеты. Это была вырезка из газеты «Комсомольская правда» со стихами Маргариты Алигер о Зое Космодемьянской: «Всех не перевешать, много нас! Миллионы нас!..»

«Вот они, свято хранимые мною клочки бумаги, обгаренные кровью неизвестного бойца...», — писал автор статьи. — Видно, очень тронули эти стихи того, кто вырезал их на память и берет до последней минуты. Видно, очень взволновал его рассказ о нестигаемой девушке — его, кому судьба готовила такой же конец. Он не сказал палачам ни слова — юный раненый воин, иначе они не пытали бы его так долго и так изощренно. Он помнил о Зое. Он видел ее такой, какой мы видим ее сейчас на этих снимках, он слышал ее голос — голос стихов, горящих яростью к врагам: „Убивайте их травите, жгите!“ И он не склонил голову перед палачами.

«Ты помогла ему, Зоя!» — так назвал Б. Бялик эту статью.

С той же страстностью писал он в очерке «Это было у деревни Дедно» (№ 141) о восьми вырвавшихся из фашистского плена бойцах и с большой теплотой и увлеченностью о героях фронта: искусных мастерах маскировки бывшем студенте Академии художеств старшем технике-лейтенанте Владимире Козьмине и помкомвзводе Миргазьяне Насыпове, создавших ложный аэродром («Удивительная профессия», № 1036), и о многих других.

А каким гневным, презрительным, уничтожающим становился голос писателя, когда в очерке «Лаус» (по-немецки — вошь) он клеймил позором труса, изменника и предателя Родины, нарушившего военную присягу и выдавшего врагу тайну (№ 181).

Чтобы написать о многодневном рейде наших войск по тылам врага, Борис Бялик пошел в этот рейд сам.

Как ни покажется удивительным, но литературовед Бялик выступал во фронтовой газете еще и с советами-памятками на военно-тактические темы. Притом делал он это с отменной писательской выдумкой, писал свои «Рассказы о солдатской смекалке» красочным, образным и хорошо понятным каждому солдату языком.

«Кажется, простая вещь — видеть, — начинал он один из таких рассказов-памяток (№ 1024). — Но дело, оказывается, сложное. Одной зоркости мало. Необходимо

еще умение видеть. Скажем, стоят рядом хлебороб, геолог и сапер. Лежит перед ними одна и та же земля, а видят они совсем не одно и то же. Для хлебороба — это земляца, для геолога — почва, для сапера — грунт.

Или возьмем, например, ботаника, плотника и артиллериста. Спросите у них о каком-нибудь дереве. Один определит его породу, другой — качество материала, а третий скажет: „Хороший ориентир“.

У глаз бывает разная специальность. Самую сложную и ответственную специальность имеют глаза наблюдателя. За всем, что он видит, — за складками почвы, за листвою деревьев, — он должен видеть врага. И от того, как он видит, зависит судьба и геологов, и плотников, и ботаников, и хлеборобов. Кто-кто, а наблюдатель помнит народную поговорку: „Не доглядишь оком — заплатишь боком“.

В других «Рассказах о солдатской смекалке» говорилось о военной хитрости, находчивости и сообразительности.

Такого рода памятки писал и поэт Матусовский. Любопытно привести строки из его «Советов разведчику» (№ 795), написанных в любимой когда-то и популярной в народе форме райка:

«Умелый разведчик в большом почете и в артиллерии и в пехоте. Любая тропка ему знакома. Хороший разведчик в лесу, как дома. Темным леском — проходи тайком. Там, где кустарник, — там броском, там, где открыто, — там ползком. Встретишься с гадом — бери врасплох, глуши прикладом и — „хенде хох“! Действуй бесшумно, быстро и чисто, веди разведку наверняка. Одним ударом свали фашиста, не возвращайся без „языка“!»

Именно такого разведчика, который был «в большом почете и в артиллерии и в пехоте», — старшего сержанта Петра Воробьева — показал в своем очерке (№ 399) будущий писатель Юрий Корольков, работавший у нас некоторое время заместителем редактора, но находивший время и для очерков, рассказов, как находил его и редактор газеты талантливый журналист Николай Кружков, написавший два больших очерка: «Бородино» (№ 437) и «Героический город на Волге» (№ 490).

На фронте, в газете, созрело литературное дарование еще одного нашего товарища по перу — журналиста Ивана Свистунова, чьи рассказы, очерки и статьи имели большой успех у фронтовиков. За один из своих рассказов — «Наследник» — о преемственности славных боевых традиций Советской Армии, опубликованный вскоре после окончания войны, он получил премию журнала «Советский воин». Тогда же И. Свистунов написал книгу о славных боевых делах воинов 2 Белорусского фронта. Ныне он — автор романа «Сердца в строю», получившего признание у широкого армейского читателя, сборника повестей и рассказов «Человек с человеком» и других книг.

Заслуженной любовью солдат и офицеров пользовались также очерки и рассказы журналистки Татьяны Чугай — единственной в нашем редакционном коллективе женщины-офицера, прошедшей с газетой весь ее длинный и нелегкий путь. С большим одобрением был встречен Военным Советом Северной группы войск ее послевоенный «конфликтный» рассказ «Спустя четыре года» (№ 1456), поднимавший острую и важную тему укрепления семьи в офицерской среде и вызвавший много споров и разговоров.

— Мы, — сказал в беседе с редактором газеты по поводу этого рассказа Главкомандующий Северной группой войск Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, — собирались обратиться к офицерам со специальным письмом по этому вопросу, но рассказ «Спустя четыре года» ставит и решает его настолько правильно и своевременно, что надобность в таком письме теперь полностью отпала.

Многим ли рассказам выпадает такая завидная роль?

Вспоминается и другой «конфликтный» рассказ, появившийся в газете еще в первые военные годы (№ 462), но принадлежавший перу не штатного ее работника, а сотрудника дивизионной газеты младшего политрука Афанасия Салынского, ныне известного драматурга, автора пьес «Барабанщица», «Опасный спутник», «Забывтый друг», «Хлеб и розы», «Ложь для узкого круга» и др. В этом рассказе, называвшемся «Непонятный человек», происходит следующий диалог между комиссаром и парторгом батарея старшиной Кладковым:

«СОВЕТЫ РАЗВЕДЧИКУ»

Памятка, написанная М. Л. Матусовским.
Изд. Политуправления Северо-Западного
фронта, 1943

Обложка. Рисунок В. Г. Васильева
Собрание М. Л. Матусовского, Москва

1943

«—Грош цена ему в базарный день!» — безапелляционно заявляет парторг о новичке солдате Добрышине, который показался ему каким-то «непонятым», угрюмым, неразговорчивым.

К о м и с с а р. Вы до войны торговали в бакалейном магазине?

П а р т о р г. Да... Откуда вы знаете?

К о м и с с а р. Очень уж своеобразно вы оцениваете людей.

В разговоре с Добрышиным комиссар выясняет, что гитлеровцы замучили его жену, и советует солдату отвести душу в бою, отомстить врагу. В завязавшей вскоре схватке с гитлеровцами Добрынин уничтожает три вражеских танка, заменяет выбывшего из строя командира, раненный, ни на шаг не отходит от орудия.

После боя Кладков говорит: «Ну, товарищ комиссар, Добрынин прямо герой. Так что теперь безусловно придется другую цену ему определить».

К о м и с с а р. Сегодня же сдайте партийные дела. Вы не парторг, а бакалейщик».

Охотно печатала газета и других литераторов, приславших нам свои статьи, очерки, рассказы или приезжавших на фронт. Так, например, когда был опубликован Указ о присвоении звания Героя Советского Союза погибшему на нашем фронте летчику Тимур Фрунзе, мы поместили (в № 264) очерк Николая Богданова «Тимур — сын Фрунзе».

Несколько раз выступал в газете и приезжавший к нам Лев Никулин. В очерке «Танкоград» (№ 240), рассказе «Валя» (№ 716), очерке «Столица в эти дни» (№ 797) и написанном в соавторстве с Валерией Герасимовой очерке «Рожденные в боях» (№ 800) он рассказывал о том, как живут, трудятся, куют победу советские люди в Москве и на Урале, — из этого края протянулись к нашему фронту нити крепкой дружбы. В дни 26-й годовщины Октябрьской революции приезжала к нам делегация от трудящихся Урала. Делегаты побывали на переднем крае, встречались с героями боев, вручили им подарки и, тепло попрощавшись с фронтовиками, уехали. Но долго еще жила память о встречах с уральцами — в словах и в делах.

Входившая в состав делегации работница одного из оборонных заводов Челябинска машинист компрессора Мария Савицкая подарила умелому разведчику старшему сержанту Нестерову кинжал. Вскоре вместе с группой воинов Нестеров совершил налет на вражеский объект. Завязалась рукопашная схватка. Кинжалом, подаренным делегаткой Урала, Нестеров заколол гитлеровца. «Подарок челябинцев в действии» — так называлась рассказывавшая об этом заметка в газете. Под ней было напечатано (в № 831) стихотворение «Кинжал»:

...Литая сталь была легка,
И в нем была такая сила,
Как будто грань его клинка
Сама страна благословила.

Об этом и о многом другом поведал нашим друзьям-уральцам выезжавший по заданию редакции на Урал Борис Бялик. Он побывал в Перми, Свердловске, Челябинске и рассказал потом об увиденном в газете (№ 243): «...Самолет летит в обратный путь, самолет держит курс на запад. Мы обгоняем поезд, автоколонны, обозы. Мы пролетаем над огромной страной, над колоссальным военным лагерем... История еще не знала такой гигантской силы, которая устремлена сейчас на запад и перед которой в страхе отступает тьма».

Общими творческими усилиями писателей, поэтов, журналистов, художников, фотокорреспондентов было выпущено много ярких по форме, богатых по содержанию тематических номеров газеты: «зимний», рассказывавший о том, как страшна гитлеровским захватчикам русская зима; номер, посвященный 700-летию Ледового побоища; номер, озаглавленный «От 4 до 5» — показывавший, как и в этот предрассветный час, когда ночь уже окончилась, а утро еще не наступило, напряженно и сторожко следит за врагом, не дает ему покоя фронт...

В каждом номере — то в стихах, то в публицистических статьях, то в очерках и рассказах — мы обращались мыслями к Родине, жили единой, неразделимой с нею жизнью, дышали единым слитным дыханием... Листаешь комплект газеты и видишь: вот большая, на всю страницу, статья Б. Изакова «Отстоять завоевания Октября» (№ 491); вот вторая статья — К. Горбунова — «Всенародный подвиг» (№ 564) — о трудовых сбережениях; отданных советскими людьми на сооружение танков, орудий, самолетов; вот третья статья, подписанная майором, кандидатом филологических наук Ал. Исаховым, — «Великие русские патриоты» (№ 684) — о Пушкине, Лермонтове, Толстом, Гоголе, Некрасове, Белинском, Герцене, Чернышевском, Добролюбове, чье могучее слово вдохновляло советских воинов на битву с врагом.

А вот статьи разных авторов к знаменательным датам — годовщинам со дня рождения Горького, Маяковского, Николая Островского... Да и в «сплошной лихорадке» военных буден не меркли в нашей памяти, никогда не забывались эти даты, даты рождения тех, кто закладывал основы родной советской литературы, кого уже не было в эти грозные годы среди нас, но кто помогал своими бессмертными книгами бороться за победу.

Не забывались и имена тех, кто нес на фронт свое огневое слово сегодня. Страницы газеты хранят живые следы этой кровной связи воинов-читателей со своими писателями:

«Группа бойцов-украинцев нашего фронта ведет переписку с писателем Павлом Тычиной. Недавно он прислал красноармейцу Плаксию „Кобзарь“ Шевченко, письмо и стихи, посвященные группе бойцов этой части» (№ 657).

«В одно из соединений в гости к фронтовикам прибыла группа московских и белорусских писателей: поэты Павел Антокольский, Максим Танк, Аркадий Кулешов, прозаики Михась Лыньков, Александр Бек, Валерия Герасимова, Софья Виноградская, Матильда Юфит. Они познакомились с героями, разъехались по частям. Павел Антокольский, Аркадий Кулешов опубликовали на страницах красноармейской газеты новые стихи» (№ 1158).

«Более полугода один из лучших снайперов нашего фронта Гавриил Хандогин ведет переписку с писателем И. Эренбургом. В одном из писем снайпер сообщил

тов. Эренбургу, что из числа уничтоженных им трехсот гитлеровцев половину он относит на боевой счет писателя.

По просьбе редакции газеты „За Родину“ писатель И. Эренбург написал открытое письмо снайперу. Вот строки из этого письма:

„Вас благословляют русские матери. Вас благодарят русские девушки. От имени многих я, писатель, хочу пожать вашу мужественную руку и сказать вам: спасибо. <...> Придет час победы. Мы уже видим вдали ее нежную и дивную зарю. Расцветет наша земля. Улыбнутся наши девушки. Загорятся огнями наши города. Вы поедете домой, товарищ Хандогян. Далекий это путь — через всю матушку Россию. На вокзалах вы увидите, как матери будут встречать сыновей, обливаясь слезами радости, как жены будут обнимать мужей. Тогда вы сможете сказать себе: „Моя винтовка спасла многих“. Нет лучшей награды, нет дела благородней. Дорогой друг, вы спасли много русских жизней. Я желаю вам сил и удачи — до конца, до победы!“» (№ 581).

СЛОВО, РОЖДЕННОЕ В БОЯХ

Время от времени появлялись в нашей газете, на специальных страницах, носивших название «Красноармейское творчество» или «Фронтовое творчество», стихи, рассказы, очерки, написанные и самими воинами. Были среди этих начинающих поэтов и прозаиков очень способные люди: сержант И. Мартъянов, ефрейтор А. Никольский, красноармейцы М. Глейх, И. Поздняков, старший сержант А. Харчев и др. Один из таких начинающих — красноармеец Шариф Мударрисов был взят на работу в редакцию нашей газеты. Он написал десятки очерков на родном своем татарском и на русском языках. Впоследствии Ш. Мударрисов стал писателем, перевел на татарский язык сонеты Шекспира. Наверно, и другие из начинающих прозаиков и поэтов могли бы стать, а может быть, и стали профессиональными литераторами, — не знаю, как сложилась дальнейшая судьба этих людей, все ли они вернулись с фронта домой.

Хочется привести строки из стихотворения часто выступавшего в газете поэта и художника красноармейца М. Гейха (№ 384):

...Наши гнезда вокруг опустели,
 Не кружится над крышею птица.
 Щорсу тесно в подвемной постели
 И Котовскому нынче не спится.
 Кости славные требуют мести,
 Бьют копытом горячие кони.
 Даже камни разбитых предместий
 В кулаки сжимают ладони...
 Наша честь, наша слава задета,
 Даже слабые к бою готовы.
 Внук придет отомстить за деда,
 За мужей рассчитаются вдовы.
 Так, победа, скорее грянь же,
 Вырастай средь огня и грома!
 Это — ты. Я встречал тебя раньше,
 Мне лицо твое очень знакомо.

С большим стихотворением «Дума о старой Алене», в котором, правда, чувствовалось подражание знаменитой «Думе про Опанаса» Багрицкого, выступил ефрейтор А. Никольский.

Был у нас на фронте и «боец с душой акына» Турухан Кужасаев — о нем подробно рассказал в своем очерке (№ 529) работавший длительное время в газете журналист, а ныне писатель Ваграм Апресян.

Бережно, чутко относились писатели и журналисты к слову, родившемуся в боях, к песням, частушкам, пословицам и поговоркам, ходившим от землянки к землянке, от блиндажа к блиндажу...

«Так складывалась песня» — назвал свой очерк (в № 313) наш погибший на фронте товарищ, журналист А. Евнин. В очерке этом рассказывалось о том, как строфу за строфой писал партизан Евгений Малинов песню о рождении партизанского отряда в Полавском районе, а затем о новых и новых славных делах этого отряда.

В освобожденной от гитлеровцев деревне Коньшино Старорусского района политрук Кабанов со слов 60-летней колхозницы Марии Ильиничны Степановой записал, а «За Родину» напечатала (№ 304, 305, 309) «Сказки о фрицах», сложенные народом в годы фашистской неволи.

Как из рога изобилия, сыпались со страниц газеты веселые каламбуры и едкие прибаутки по поводу наших побед над врагом: «Как ни пыхти, фашист, двух зайцев не догонишь: то Армавир уронишь, то Воронеж проворонишь!»; «Покинул немец Коростень, сдана врагами Речица. Но битый Гитлер вскорости еще не так замечется». По поводу освобождения Орла (№ 742):

Потеряв за пешкой пешку,
Положив за ратью рать,
Захотел в «орла» и «решку»
Немец с нами понграть.
Мы с врагом играли чисто,
Здесь он смерть свою обрел.
Решка выпала фашистам,
Красной Армии — Орел!

В связи со взятием войсками 2 Белорусского фронта городов Насельск, Пултук, Макув, Цеханув, Нове Място:

Фриц бормочет еле-еле:
«Снова нас гвардейцы бьют,
Под Насельском так НАСЕЛИ,
Даже охнуть не дают».

Фриц бежит к своим границам,
Бросив каски и мешки.
Не по вкусу, видно, фрицам
МАКУВые пирожки.

Оглушен ударом русским,
Немец скрыться норовит,
После встречи под Пултуском
У него ПУЛТУСКлый вид.

Фрицев бьем, как тараканов,
Драпать фриц теперь горазд
И из города ЦЕХАНУВ
И из прочих НОВЫХ МЯСТ!

В связи с тем, что наши войска вторглись в пределы Восточной Померании:

Не оправдались Гимmlера старания, —
Прижата к морю вражеская рать.
И в результате фрицам в ПОМЕРАНИИ
Теперь осталось только ПОМИРАТЬ!

«Подружка боевая — частушка фронтовая» была особенно любима солдатами. Быстро приобрели, например, популярность «Саперные частушки» (№ 120), написанные работавшим одно время в нашей газете мастером этого жанра С. Болотинным.

Про советских про саперов
Вам гармошка пропоет.
У саперов — крепкий нор,ов,
Мы особенный народ.

Захотим — возводим горы,
Захотим — в горе дыра.
Потому что мы — саперы,
На все руки мастера.

Всюду первыми приходим
И спешим на всех парах.
С берегов мосты наводим,
На врагов наводим страх.

У МОГИЛЫ ТОВАРИЩА

Фотокорреспондент газеты «За Родину» Иван Фролов погиб во время вражеского налета на посад-типографию.

Фотография П. В. Бернштейна. Северо-Западный фронт (станция Еринья, Новгородская область), июль 1941 г.

Собрание С. А. Савельева, Москва

Подорвем мы вражью силу,
Остановим вражью прыть,
А уж Гитлеру могилу
Непреренно будем рыть!

Тогда же С. Болотин написал и несколько боевых песен: в связи с переименованием первых десяти дивизий Советской Армии в гвардейские — «Песню советских гвардейцев» (№ 145) с таким припевом:

Вперед, боевые гвардейцы!
Сметайте противника в прах!
Народ на вас крепко надеется,
И солнце победы зардеется
На ваших граненых штыках!

И «Партизанскую песню» (№ 105):

...Злобу лютую, месть крестьянскую
Скроет накрепко в час глухой
Ночка темная, партизанская
Тропка тайная, лес густой!

Надо ли говорить, как хотелось нам, чтобы и эти и другие публиковавшиеся в газете песни полюбили широкой солдатской массе, зазвучали бы под баян, под гармошку на походе, в часы затишья и короткого солдатского досуга. Недаром к одной из страниц «За Родину» (№ 736) — о фронтовой художественной самодеятельности — была дана такая «шапка»: «Пусть громче звучит, вдохновляя сердца, песня — помощник и друг бойца!»

Но не ко всем песням была написана музыка, а какая же без нее песня! Зато почти сразу же сочинялись мелодии (либо брались подходящие старые мотивы) к бойким и веселым песенкам, которые довольно часто печатались в нашей газете.

Так, мигом была подхвачена и зазвучала повсюду «Песенка о шофере» (№ 627), написанная Сергеем Михалковым:

Я уж год на фронте — всякое бывало...
Тот, кто был шофером, тот меня поймет.
Над моей кабиной пудя пролетала,
На меня пикировал немецкий самолет...

Понравилась воинам, особенно летчикам, и сочиненная Михаилом Матусовским и Маргаритой Алигер «Песенка о знаменитом самолете» — об У-2 (№ 544):

Кто не знает этой птицы,
Аккуратна и легка,
На кусты она садится
И взлетает с пяточка...
Так лети же ночью темной
В благородный свой полет,
Самый тихий, самый скромный,
Знаменитый самолет!
Бьет врагов прямым ударом
Неожиданно, как гром,
Называется недаром
Он воздушным королем.

«ОТТОЧЕННЫЕ ПИКИ»

Фронтальная муза отлично несла службу и в «кавалерии острот». «Поднявши рифм отточенные пики», лихо и метко разила она гитлеровских вояк.

Чуть ли не ежедневно газета выходила с карикатурами художника Виктора Васильева, сопровождавшимися злым стихотворным текстом, либо с фельетоном, басней, а то и большим сатирическим уголком и даже целой страницей. Весь фронт знал, читал, искал в каждом номере своих боевых друзей — собратьев знаменитого Василия Теркина Твардовского — «Васю Точкина» и «Братьев-пулеметчиков». Двумя этими псевдонимами подписывались выступавшие спаренно в излюбленном солдатами жанре сатиры и юмора Михаил Матусовский и превратившийся для такого случая в поэта Александр Исбах.

Творческое содружество «Братьев-пулеметчиков» с нашими фотокорреспондентами П. Бернштейном, Т. Мельником, В. Шаровским родило серию остроумных «агит-плакатных» фотомонтажей. На одном из них (№ 171), под датой «1812», была помещена репродукция с картины художника И. М. Прянишникова, изображающей отступающую от Москвы наполеоновскую армию, а справа — датированная 1941 г. фотография взятых в плен гитлеровских наемников из «Голубой дивизии»: жалкие, обросшие, с женскими платками на головах, скорчившиеся в три погибели от холода... Под фотомонтажем было напечатано стихотворение «почти по Лермонтову»:

Скажи, товарищ, ведь не даром,
Отброшен штыковым ударом,
В огне со всех сторон,
Теря стяги боевые,
Столбы считая верстовые,
Через сугробы снеговые
Бежал Наполеон.

И точно так же, как когда-то,
Идут наемные солдаты
В Россию в наши дни.
Сюда пришли полки чужие,
«Коричневые», «голубые», —
От вьюги будут неживые
И синие они!

Во «взаимодействии» с другим художником редакции — Ф. Сиговым — «Братья-пулеметчики» выпустили большую сатирическую серию под названием «В гитлеровском

балагане» (№ 217, 220, 224, 229, 232, 235, 238, 248, 255, 264). Это были карикатуры с хлесткими рифмованными подписями, бичующими фашистскую нечисть. Под одной из них, которая изображала Гитлера в роли жонглера, кидающего своих осрамившихся генералов с одного участка фронта на другой, стояли такие выразительные строки:

...Он их в отставку всех пошлет
И в гроб загонит скоро.
А после очередь дойдет
До самого жонглера.

На другой карикатуре демонстрировался «говорящий попугай» — немецкий радиокomentатор генерал Дитмар, который напропалую врал, лез из кожи вон, стараясь как-то объяснить, завуалировать поражения гитлеровской армии. Очередное его заявление о том, что в поражении немцев на Украине в 1943 г. виновата, мол, весенняя грязь, наш «Вася Точкин» — теперь уже он выступал в роли «комментатора!» — высмеял так:

Побелев от снега,
Ошалев от бега,
Покидая с плачем
Теплые дома,
Убегая в мыле,
Фрицы говорили:
«Русским помогает
Генерал Зима».
Отступая летом,
Пробежав при этом
От Орла и Курска
Прямо до Днепра,
Фрицы голосили:
«Мы стоять не в силе —
Русским помогает
Генерал Жара!»
Но весной на юге,
На советском Буге,
Фрицы побежали,
Не остановясь,
И для объяснений
Новых поражений
Выдумали фрицы
Генерала Грязь.
Осенью, весной,
Летом и зимою,
Вопреки погоде,
Бьют их там и тут.
Фрицам всюду туго —
С севера до юга,
И теперь грозит им
Генерал Капут!

А когда радио-враль Дитмар вынужден был сделать горестное признание о том, что в результате наступления советских войск бои идут уже «у ворот Германии», в газете (№ 1085) под карикатурой на эту тему появились следующие строки — на этот раз «почти по А. К. Толстому»:

У немецких ворот
Дитмар в страхе орет:
«Боже!
На Востоке — капут
И на Западе бьют
тоже...
У немецких ворот
Нас теперь лишь спасет
чудо.
От „котлов“ и „клещей“
И от прочих вещей —
худо!»

№ 69, (255), 9 марта 1942 г.

9. Говорящий попугай

Рис. Ф. Сигова.

ГИТЛЕРОВСКИЙ ГЕНЕРАЛ

Он повторяет по указке Адольфа бредовые сказки	О русских зимах, о погоде,
О приближении весны,	О зимних трудностях атак...
О продолжении войны,	Недаром говорят в народе,
О планомерном отступлении,	Что попугай — большой дурак.
О предстоящем наступлении,	Братья-пулеметчики.

«ГОВОРЯЩИЙ ПОПУГАЙ»

Сатирический фельетон из серии «В гитлеровском балагане»

«За Родину», 9 марта 1942 г., № 68

Серию вели М. Л. Матусовский и А. А. Исбах

В № 241, посвященном 24-й годовщине Советской Армии, была дана целая сатирическая страница «Красноармейская школа для гансов и фрицев». В подзаголовке к ней стояло: «Как ударят наши пушки /— У врагов в глазах темно./ Фрицы, в школу собирайтесь, /Пулемет стучит давно...» Во вступительном тексте объяснялось, что «обучение в этой школе бесплатное, но ученикам оно стоит дорого. Для обучения удачно подобраны преподавательские кадры — бойцы, командиры и политработники Красной Армии. Среди них отлично зарекомендовали себя герои нашего фронта Исрафил Мамедов и Хазимурза Мильдзахов: они выпустили с дипломом на тот свет больше двухсот фрицев. Под руководством этих замечательных преподавателей даже самые туполобые ученики становятся прилежными: они поднимают руки, либо протягивают ноги. О работе „школы“ имеется много прекрасных отзывов мировой печати».

На странице описывались «уроки по разным предметам»: например, «урок пеня»—

«Гансы поют романсы», «урок наглядной истории», «урок русского языка», «урок географии» — «Столицей Советской России была, есть и будет Москва», «урок арифметики» и т. д.

В заключение на этой остроумной, сделанной с большой изобретательностью странице воспроизводился «Аттестат отличника»: «Ефрейтор Обер-Кандибобер» закончил школу с общей оценкой КОЛ (осиновый).

К большой сатирической подборке, посвященной 700-летию Ледового побоища (№ 282), был дан не менее остроумный заголовок — «Псы ФРИЦЫри».

Кроме «малой сатирической прозы», печатались в газете с продолжениями и два довольно больших сатирических романа тех же «Братьев-пулеметчиков»: «Тайна оберлейтенанта Клопса» (№ 103, 107, 114, 124, 137) и «Горестные приключения Курта Шнапса в России» (№ 176, 179, 183, 192, 206, 212, 221 и 231).

Многие из карикатур, стихотворных фельетонов, басен и других сатирических материалов вырезывались из газеты, перекочевывали в «боевые листки», наклеивались на щиты, и это было лучшим доказательством того, что «оружие смеха» брала на вооружение широкая солдатская масса.

Как и у Василия Теркина, нашлись продолжатели и подражатели и у наших «Братьев-пулеметчиков». Они направляли острие своей сатиры и против недисциплинированных бойцов, неповоротливых военторговцев, нерадивых хозяйственников. От военнопослужающей одного из фронтовых продовольственных складов Нины Зенькович пришло однажды в редакцию следующее письмо: «Дорогие „Братья-пулеметчики“! При мите в свою компанию сестренку-автоматчицу. Давайте работать вместе. Посылаю свой первый опыт — „Жалоба Мешка“».

Мы с удовольствием напечатали (в № 388) задиристый фельетон-басню Нины Зенькович — диалог между валявшейся в углу склада, забытой всеми Бочкой и брошенным в лужу раскисшим Мешком. Заключался этот фельетон «Сестренки-автоматчицы» так:

Прочти, интендант, и запомни стихок.
Проверь: не тебя ли ругает Мешок?!

Живейшее участие в уголках и страницах сатиры и юмора принимали Сергей Михалков, Ваграм Апресян, Леонид Ленч и другие литераторы и журналисты, особенно Владимир Соловьев. Можно было только удивляться тому, с какой быстротой и хваткой откликался он на ту или иную тему, подсказанную сводкой Совинформбюро или событиями дня на фронте.

Вот несколько образцов работы этого поэта-драматурга в необычных для него жанрах газетного сатирического фельетона, басни, которые он писал с неизменным блеском и точным попаданием в цель.

Приходит сводка Совинформбюро о том, что под натиском наших войск противник беспорядочно эвакуируется с Кавказа. Поэт дает «в номер» (563) фельетон «Возвращение с курорта», в котором изображается фриц, удирающий «в одних трусиках» с Кавказских гор.

Неужели прерван отдых,
Как приятный легкий сон,
И курортный на Минеодах
Уж закончился сезон?
Что-то быстро! Как-то странно!
Непонятно, почему?
Он хотел нарзанной ванны —
Баню задали ему!
Так он драпанул с курзала, —
Только пыль пошла вдали.
Не иначе, от нарзана
Ноги силу обрели!

.....
Это отдых быстротечный,
Это отдых никакой —
Скоро фрицу будет вечный,
А не временный покой!

Публикуется сообщение о начале решающих боев по ликвидации попавшей в «котел», зажатой в районе Демянска в кольцо 16 немецкой армии. Удачно обыгрывая название советского города, у стен которого идут эти бои, В. Соловьев пишет как бы переделанную на новый лад крыловскую басню «Демянская уха» (№ 606). Советский воин Демьян потчует горяченькой «ушицей» из снарядов, бомб и мин взятого в железные тиски фашистского волка, да так, что тот вот-вот лопнет. А хлебосольный Демьян все угощает и угощает пожаловавшего к нему гостя: «Не столь в котел подбрасывает рыбки, сколь огоньку, где надо, под „котел“...»

«Котел» ликвидирован. Газета публикует снимок обнаруженного в Демянске огромного немецкого кладбища со множеством березовых крестов на могилах. Здесь нашли свою гибель солдаты и офицеры разгромленного войсками Северо-Западного фронта 28 егерского полка 8 пехотной дивизии 16 немецкой армии. Под фотоснимком, озаглавленным «Вот где собаки зарыты», — новый стихотворный текст В. Соловьева (№ 621):

Откровенно говоря,
Жили-были егеря.
Но послали егерей
Против наших батарей.
Наш боец в бою упрям —
Стало худо егерям.
Уложили всех подряд
Егерей и егерят.
Окрестили всех скорей
Командира егерей.
И выходит, вроде зря
Жили-были егеря...

К карикатуре на Гитлера, скрывавшего от немецкого народа огромные потери германской армии на Восточном фронте, В. Соловьев написал фельетон «Смертный номер» (№ 626). Это была острая, гневная сатира, исполненная большой обличительной силы:

Сей фокусник плутует грубо,
Но, как ни вейся, ни лукавь,
Четыре миллиона трупов
Не спрячешь все-таки в рукав.
Он говорит, но кто поверит?
Потерь у фокусника тьма,
Не говоря уж о потере
Остатков всякого ума.
Солдаты тлеют на погосте,
А тот, кто в этом виноват, —
Плутует не в простые кости,
А в кости собственных солдат.

* * *

...Миновало почти два десятилетия после нашей победы в Великой Отечественной войне. В 1964 г., накануне 46-й годовщины Советской Армии, в Москве состоялась организованная Министерством обороны СССР и Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского Флота встреча писателей, художников, композиторов, работников кино и театра. На этой встрече я увидел и многих из тех, кто находился в годы войны — одни дольше, другие меньше — в рядах редакционного коллектива «За Родину» и «Фронтальной правды».

С волнением слушали участники этой встречи обращенные к ним слова министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского:

«У вас в руках могучее оружие — оружие художественного образа, обладающего огромной силой эмоционального воздействия на души и сердца людей. И если это оружие всегда исправно и нацелено правильно — оно бьет верно, без промаха. Об этом красноречиво свидетельствуют лучшие произведения, играющие неопределимую роль в патриотическом воспитании народа и армии...»

И мне, и, наверно, моим товарищам по перу вспомнился в эти минуты боевой путь нашей газеты.

Он начался в Прибалтике, а окончился в Германии, в городе Штеттине. После ликвидации Северо-Западного фронта он проходил по многим городам, вернее, железнодорожным станциям Белоруссии. Взорванные мосты, изуродованные железные дороги не позволяли поезду-типографии «Фронтowej правды» тут же следовать за стремительно наступающими войсками 2 Белорусского фронта. Но в поезде оставались лишь пять-шесть человек, непосредственно связанных с выпуском газеты. Все остальные сотрудники — журналисты, чья боевая работа заслуживает особого, подробного рассказа, и писатели — двигались вместе с войсками: и на редакционных и трофейных машинах, и пешком. Телеграф, два самолета, выделенные для обслуживания редакции, надежно связывали газету с передним краем.

А в октябре 1944 г., когда разгорелись жестокие бои за Нарев, поезд-типография был уже рядом с войсками, около Острова-Мазовецкого, в Польше.

Началось зимнее наступление, и вместе с разведывательным отрядом перешли границу Восточной Пруссии и «зародинцы» — так по старой памяти называли мы себя и после того, как газета сменила название на «Фронтową правду». «Зародинцы» были всюду, где завязывались упорные кровопролитные бои: под Хойницею и Бублицем, в Кезлине и Толькемите, в Штольпе, Гданьске и Гдыне... Широко показывая на своих страницах героиню и героев боев, газета звала: «Путь у всех у нас один — на Берлин!»

Разгорелись бои на Одере. И здесь были наши «зародинцы». Вместе с передовыми частями прошли они от Штеттина до острова Рюген, до Ростока, до берегов Эльбы, где войска 2 Белорусского фронта встретились с англичанами.

В общем, хорошую службу сослужило перо поэтов, прозаиков, публицистов, сатириков в нашей газете. И о многом из того, что было ими написано в годы войны, можно сказать сегодняшним нашим читателям, несколько перефразируя Маяковского: в «журганах» фронтовых газет — только не похоронивших, а сохранивших для новых поколений их стихи, рассказы, очерки, их сатиру,—

железки строк случайно обнаруживая,
вы
с уважением
ощупывайте их,
как старое,
но грозное оружие.

Более 60 работников редакции и типографии были награждены орденами и медалями, в том числе шесть писателей и журналистов — орденом Красного Знамени. А 14 июня 1945 г. орден украсил и первую страницу «Фронтowej правды», ее заголовок. Под сообщением о том, что Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР «За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками газета „Фронтová правда“ награждена орденом Красной Звезды», было напечатано за подписью маршала Рокоссовского и других членов Военного Совета фронта поздравление, слова которого на всю жизнь запечатлелись в нашей памяти:

«Приветствуем и от души поздравляем славный коллектив газеты „Фронтová правда“ с награждением орденом Красной Звезды. В дни Великой Отечественной войны газета „Фронтová правда“ повседневно воспитывала в войсках фронта высокий наступательный порыв, пламенную любовь к Родине, жгучую ненависть к врагу и многое сделала в деле обеспечения нашей полной победы над фашистской Германией.

Желаем коллективу газеты „Фронтová правда“ новых успехов и дальнейшей плодотворной работы по воспитанию и обучению наших войск в мирных условиях».

Этот наказ с честью выполняет редакционный коллектив газеты «Знамя победы» — так с 1 июля 1945 г. стала называться наша «Фронтová правда». Под этим названием выходит она и сейчас в Северной группе советских войск (в братской Польше).

И совсем недавно, в 1964 году, мы, ее ветераны, поздравили родную свою газету со славным двадцатипятилетием.